

мекает ему на наказание, и Иван говорит: «А, а, понимаю! вы говорите про палки... и признаюсь, что убедительнее Руссо доказываете мне вредность наук.»⁴ Оба эти высказывания свидетельствуют о том, что Крылов был хорошо знаком с основными сочинениями Руссо и, во всяком случае, весьма высоко оценивал достоинства Руссо-писателя. Однако, судя уже по ироническому высказыванию Ивана, который уподобил палку своего господина трактату Руссо «О влиянии наук на нравы», философское учение Руссо Крылов принять не может.

Широко известно и глубоко усвоенное русской культурой в конце XVIII—начале XIX века учение Руссо о двух типах идеала человеческой жизни: «. дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаяние. Первый жаждет лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться праздным, и даже спокойствие духа стойка не сравнится с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, работающий в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные; он работает до самой смерти; он даже идет на смерть, чтобы иметь возможность жить, он отказывается от жизни, чтобы обрести бессмертие < > Такова и в самом деле действительная причина всех этих различий: дикарь живет в себе самом, а человек, привыкший жить в обществе, всегда вне себя: он может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования».⁵

В русской художественной культуре это противопоставление двух идеалов оформилось в устойчивой оппозиции вольности и покоя, с одной стороны, и счастья — с другой, причем за «вольностью и покоем» закрепилось значение не только жизни природной, внегражданской, внеобщественной, но и жизни народной, а за «счастьем» — значение жизни социальной, культурной, активно гражданской и общественной.⁶ Первому идеалу соответствовали в литературе образы, которые М.М. Бахтин назвал образами циклического хронотопа, т. е. жизни на одном месте, ибо, только находясь на одном месте, можно со всей полнотой осознать смену времен года и суток — те природные циклы, которые, будучи применены к человеку, создавали метафорические образы утра жизни, вянущей младости печального заката наших дней и проч.⁷ Второму идеалу — идеалу гражданской жизни в борьбе за

⁴ Там же С. 255

⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты М., 1969 С. 96—97

⁶ Подробнее об этом см. Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина Тверь, 1990 С. 72—83

⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М., 1979 С. 205 Суждение Руссо о том, что человек цивилизованный «может жить только во